

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Кризис декадентства

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

Теперь, когда я пишу эти строки, мне кажется чем-то бесконечно далеким та идейная и литературная борьба, которая так страстно велась на страницах московских и петербургских журналов, посвященных новой поэзии и новой поэтике. Мое положение в этой борьбе было нелегкое. Я стал ревнителем символизма с первых дней моей литературной деятельности, но вместе с тем я почти в те же дни осознал изначальную ложь индивидуализма. Отсюда та напряженная борьба моя с декадентством, какую я вел иногда неумело, но всегда настойчиво и решительно, вызывая досаду и гнев своих товарищей, упрямо державшихся всевозможных бодлерианских, ницшеанских и даже штирнерианских теорий¹. В этой борьбе с декадентством у меня оказался могущественный союзник — Вячеслав Иванов. Но он был осторожнее меня. К тому же он был забронирован сложностью своего загадочного поэтического стиля и своею исключительною эрудицией.

Я был откровеннее, решительнее и беспечнее, чем он. Шел в бой с одним мечом, без щита. А между тем, в 1907 году литературные отношения сложились для меня очень неблагоприятно. «Факелы» как сборники, выходившие не периодически, не могли с успехом отражать полемические стрелы, направленные против смельчаков, решившихся усомниться в правде декадентского индивидуализма, тогда как у моих врагов была хорошо защищенная цитадель — «Весы». Правда, в Москве издавался еще один журнал, посвященный новой поэзии, — «Перевал»², который предоставил мне свои страницы для литературных выступлений, но я не очень охотно пользовался этой возможностью, ибо не чувствовал себя дома в этом не совсем удачливом литературном начинании.

Был в Москве еще один, необычайно пышный и по внешности богатый журнал — «Золотое руно». Московские стихотворцы, работавшие в этом журнале, в конце концов перессорились, и группа сотрудников во главе с В.Я. Брюсовым вышла из редакции. Оставшуюся в журнале группу возглавлял Г.Э. Тастевен³. Пользуюсь случаем, чтобы помянуть этого прекрасного человека. Он умер в 1915 году. Я знал Генриха Эдмундовича еще с отроческих лет. Мы учились с ним в шестой классической гимназии. Он был на один класс моложе меня. Нередко мы с ним вместе возвращались домой после уроков. Я как сейчас вижу его маленькую фигурку в гимназической шинели с огромным ранцем на спине, набитым всевозможными книжками. Во время этих невольных прогулок мы как-то разговорились, и оказалось, что у нас есть общие вкусы и пристрастия. Мы тогда читали в гимназии по-гречески Платона и трагиков.

Тастевен, так же как и я, не остался равнодушен к Эллады. Будучи еще мальчиком, Тастевен обращал на себя внимание своей задумчивостью и рассеянностью. Эти черты остались в его характере до конца дней. Ему была присуща еще одна особенность — это какая-то необычная для эпохи старомодная вежливость. С дамами он разговаривал, как маркиз.

В университетские годы мы не встречались, но когда меня арестовали и отправили в Сибирь,